

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

П.Н. Жукович

**Вопросы о примирении
православных с униатами
на Варшавском сейме 1929 года**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1910. № 9. С. 1122-1135.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Вопросъ о примиреніи православныхъ съ уніатами на Варшавскомъ сеймѣ 1629 года.

ПОТЧАСТЪ же по окончаніи іюльскаго сейма 1628 года центральное польское правительство должно было принять участіе въ ликвидаціи послѣдствій вмѣшательства запорожскихъ казаковъ въ весеннюю крымско-татарскую междоусобицу 1628 года. Запорожскіе казаки, давшіе у себя убѣжище Шагинъ-гирею (а потомъ и брату его, низверженному крымскому хану Мегеметь-гирею) уже 15 іюля 1628 года обратились къ начальнику короннаго войска на Украинѣ Хмелецкому съ особымъ посланіемъ, въ которомъ спрашивали его совѣта, какъ имъ быть дальше съ Шагинъ-гиреемъ. Казаки писали, что Шагинъ-гирей бѣжалъ изъ Крыма на Днѣпръ съ намѣреніемъ подчиниться Польшѣ, что и многіе мурзы, прибывшіе съ нимъ, выражаютъ согласіе на это. Въ виду того, что Куруковскимъ договоромъ казакамъ запрещено заключать договоры съ сосѣдними государствами, они, не имѣя возможности за дальностью разстоянія испросить немедленно королевское повелѣніе, и просили совѣта у Хмелецкаго ¹⁾). Хмелецкій самъ не могъ, конечно, дать запорожцамъ прямого, рѣшительнаго отвѣта, и двѣ недѣли спустя, они отправили уже къ самому королю своихъ посланцевъ съ особымъ посланіемъ, датированнымъ 28 іюля 1628 года. Казаки писали королю, что Шагинъ-гирей прибылъ на берега Днѣпра съ отрядомъ въ нѣсколько лишь десятковъ всадниковъ, но что къ нему ежедневно перебѣгаютъ изъ Крыма многочисленныя

¹⁾ Przyłęcki, Ukrainne sprawy, 24—26; К. Мельникъ, Мемуары, II, 160—162.

сторонники, что въ Крыму происходятъ раздоры между ногайцами и крымцами, что вспыхнуло разногласіе между Кантемиромъ и Девлетъ-гиреемъ. Теперь (писали казаки) самое удобное время для совершеннаго разрушенія Крымскаго ханства: втеченіе одной осени можно бы овладѣть всѣмъ Крымомъ, если бы отправить туда стоящее на Украинѣ подъ начальствомъ Хмелецкаго коронное войско совмѣстно съ войскомъ запорожскимъ. Въ заключеніе посланія запорожскіе казаки просили короля о выдачѣ имъ годичнаго жалованья съ нѣкоторой прибавкою, въ виду того, что имъ приходится всѣмъ оставаться въ Запорожьѣ, какъ для усмиренія своеволя, такъ и для наблюденія за ходомъ татарскихъ дѣлъ²⁾. Вмѣстѣ съ посланцами запорожскихъ казаковъ отправился къ королевскому двору и особый посланецъ отъ самого Шагинъ-гирея, по имени Исаія. Въ нисѣмъ, врученномъ ему для передачи королю, Шагинъ-гирей отдавалъ себя подъ крылья польской короны и подъ защиту короля, обѣщая служить ему всюду, куда онъ его ни направитъ. Въ виду сильныхъ внутреннихъ замѣшательствъ въ Крыму и въ виду обнаруженной уже запорожскимъ войскомъ въ немъ силы и могущества, онъ выражалъ полную увѣренность въ успѣхѣ своего дѣла, если только ему будетъ оказана королемъ помощь. Съ своей же стороны онъ обѣщалъ и клялся пребыть всегда вѣрнымъ польскому королю, поставить Крымъ въ зависимость отъ него, или, опустошивши Крымъ, остаться при запорожскомъ войскѣ для вѣрной всегда службы королю³⁾.

Шагинъ-гирей нашелъ себѣ защитниковъ и ходатаевъ въ лицѣ молдавскаго воеводы Мирона Бернавскаго⁴⁾ и краковскаго каштеляна кн. Ю. Збаражскаго. Послѣдній въ своихъ письмахъ къ королю и коронному канцлеру изложилъ цѣлый планъ дѣйствій польскаго правительства по отношенію къ Шагинъ-гирею и крымско-татарскимъ дѣламъ вообще. Лишь только до него дошла вѣсть о бѣгствѣ Шагинъ-гирея въ Запорожье, онъ сразу же подаль мысль, что нужно, какъ можно скорѣе, послать къ казакамъ умѣлаго и ловкаго человѣка, поручивши ему передать сокретно гетману и старшинѣ казацкой, чтобы они не оставляли безъ помощи Шагинъ-гирея, а якобы сами,

²⁾ Przyłęcki 26—28; Мельникъ, 163—165.

³⁾ Przyłęcki, 42—44.

⁴⁾ Ibid., 31—32, письмо его къ Хмелецкому отъ 18 авг. 1628.

по своему почину, помогли ему въ достиженіи ханскаго престола. Но Збаражскій считалъ нужнымъ позаботиться о томъ, чтобы туркамъ не попало въ руки никакого документа, который бы свидѣтельствовалъ о томъ, что казакамъ приказано было оказать помощь Шагинъ-гирею. Онъ совѣтовалъ, поэтому, въ письменномъ отвѣтѣ Шагинъ-гирею выразить ему только королевское соболъзнованіе по поводу постигшаго его несчастья. Посоль, который будетъ къ нему отправленъ, долженъ публично ему объявить, что у Польши съ турками мирный договоръ и что она его нарушить не можетъ, въ тайномъ же разговорѣ съ нимъ посоль долженъ былъ всячески поддерживать въ немъ надежду на достиженіе ханскаго престола. И посламъ запорожскихъ казаковъ Збаражскій не совѣтовалъ давать опредѣленнаго письменнаго отвѣта. Онъ совѣтовалъ только устно объяснить имъ, въ чемъ дѣло. Збаражскій, отдавая должное политической прозорливости казаковъ (находившихъ, что приспѣло время обезсилить орду), доказывалъ, что нужно дѣлать дѣло безъ откладу, какъ можно скорѣе, потому что другой такой случай едва ли и представится: у турокъ плохія дѣла съ персами, среди татаръ междоусобная война, новый ханъ еще не утвердился на престолѣ... Но военную помощь Шагинъ-гирею (писалъ Збаражскій) должны оказать одни казаки: если съ ними пойдетъ коронное войско Хмелецкаго, это будетъ открытымъ разрывомъ съ Турціей. Казацкихъ силъ однихъ будетъ достаточно. И теперь не мало казаковъ идетъ въ Запорожье. Пойдутъ казаки таборомъ, съ ружьями, съ хорошей артиллеріей; ничего имъ не сдѣлаютъ татары. Что бы ни произошло, все будетъ намъ на пользу. Если Шагинъ-гирей достигнетъ престола, онъ всегда будетъ помнить оказанное ему благодѣяніе, да ему не къ кому будетъ и обратиться, кромѣ насъ: онъ злѣйшій врагъ турокъ, и они ему никогда вѣрять не будутъ. Если Шагинъ-гирею и не удастся достигнуть престола, то все это дѣло не обойдется безъ большого кровопролитія, безъ большого вреда для татаръ. Если же погибнетъ и нѣкоторое количество казаковъ, и это для насъ полезно: много уже разъ мы отъ нихъ набрались страху⁵⁾.

Предложенный кн. Збаражскимъ планъ дѣйствій совпалъ съ общимъ настроеніемъ польскаго центрального правитель-

⁵⁾ Ibid., 36—41, письмо къ канцлеру и два письма къ королю (изъ нихъ послѣднее датировано 17 авг. 1628 г.).

ства и потому въ общемъ осуществленъ былъ въ дѣйствительности. Посоль Шагинъ-гирея представлялся королю въ Варшавѣ 28 августа, причемъ передалъ ему вышеприведенное письмо Шагинъ-гирея ⁶⁾. Король отвѣтилъ Шагинъ-гирею черезъ Исаю краткимъ письмомъ, въ которомъ благодарилъ его за дружественныя чувства къ нему, обѣщаль ему свое королевское благоволеніе, выражалъ соболѣзнованіе въ постигшемъ его несчастіи и пожеланіе избавиться отъ него, обѣщая свое этому содѣйствіе ⁷⁾. Въ отвѣтной грамотѣ своей старшему, атаманамъ, эсауламъ и всему рыцарству войска запорожскаго король, прежде всего, выразилъ свое порицаніе тому, что они безъ его разрѣшенія предприняли походъ въ Крымъ. Впрочемъ, въ виду указанныхъ ими причинъ, онъ готовъ былъ на этотъ разъ простить ихъ. Что же касается Шагинъ-гирея, нашедшаго себѣ убѣжище у нихъ въ Запорожьѣ, то королевскую волю относительно его (писаль Сигизмундъ) имъ сообщить королевскій полковникъ Стефанъ Хмелецкій, или его посланецъ. Король предписывалъ казакамъ его волю выполнить во всемъ, чтобы снискать себѣ его благоволеніе ⁸⁾. Хмелецкому Сигизмундъ написалъ, чтобы онъ отправилъ къ казакамъ подходящаго человѣка, который бы воодушевилъ ихъ къ оказанію помощи Шагинъ-гирею ⁹⁾.

Вмѣшательство запорожскихъ казаковъ въ крымско-татарскую междоусобицу, въ особенности же предоставленное ими у себя убѣжище Шагинъ-гирею съ братомъ его, вызвали, какъ и слѣдовало ожидать, неудовольствіе турецкаго правительства не только противъ самихъ запорожскихъ казаковъ, но и противъ польскаго правительства. Притомъ же лѣтомъ 1628 года и сами турецкія владѣнія (около Тегини) подверглись нѣкоторому безпокойству со стороны казаковъ, или (какъ выразился кн. Збаражскій въ письмѣ къ королю отъ 11 авг. 1628 г.)

⁶⁾ Рук. Имп. Публ. Библ., Пол. F. IV. № 138, л. 13.

⁷⁾ Przyłęcki, 44—45.

⁸⁾ Рук. Имп. Публ. Библ., Разнояз., F. IV. № 67, л. 151. Король писалъ, что онъ ожидаетъ, что казаки исполняютъ все то, что они должны были сдѣлать послѣ смерти ихъ старшаго Дорошенки, согласно съ Курковскимъ договоромъ. Король писалъ, наконецъ, что онъ уже распорядился уплатить имъ жалованіе: оно до сихъ поръ не уплачено имъ изъ-за того, что они безъ королевскаго разрѣшенія ушли было на постороннюю службу.

⁹⁾ Przyłęcki, 50.

«украинцевъ, собравшихся изъ разныхъ городовъ, какъ королевскихъ, такъ и шляхетскихъ». Новоназначенный начальникъ пограничныхъ съ Польшей турецкихъ крѣпостей Кеннанъ-паша, прибывшій къ Бѣлгороду (Аккерману) съ небольшимъ, впрочемъ, отрядомъ (немного болѣе тысячи человекъ), съ одной стороны сталъ возобновлять укрѣпленія Татарбани, съ другой угрожалъ тѣмъ, что направить въ польскія владѣнія татарскія орды ¹⁰⁾. Эту послѣднюю угрозу Хмелецкій, впрочемъ, стараясь парализовать заявленіемъ своимъ, что въ случаѣ вторженія татарскихъ ордъ онъ пошлетъ имъ въ тылъ казаковъ, которыхъ у него имѣется наготовѣ нѣсколько тысячъ человекъ ¹¹⁾. Осенью Кеннанъ-паша отчасти даже привелъ въ исполненіе свою угрозу. Орда буджакскихъ, бѣлгородскихъ и отчасти крымскихъ татаръ вторгнулась въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ въ польскія владѣнія. Но Хмелецкій предусмотрительно принялъ нужныя мѣры предосторожности ¹²⁾. Поставленныя имъ на югѣ среди новыхъ украинскихъ поселеній двѣ роты короннаго войска (300 человекъ) подстерегли татаръ. Правда, одна изъ этихъ ротъ вслѣдствіе несогласованности своихъ дѣйствій съ дѣйствіями другой роты (Добринскаго) потерпѣла нѣкоторое пораженіе, и самъ ея предводитель (Янъ Мелешко) попался раненый въ плѣнъ къ татарамъ. Но общими усиліями обѣихъ ротъ вторженіе татарской орды въ Украину было отражено ¹³⁾. Вслѣдъ затѣмъ самъ Хмелецкій двинулся въ Украину и сталъ у Крикливаго озера ¹⁴⁾. Когда опять одинъ татарскій отрядъ, по приказу Кеннанъ-паши, вторгнулся въ Украину (подъ Звенигородку), казаки разбили его почти на голову ¹⁵⁾.

Хотя лѣтомъ и осенью 1628 года на турецко-татарскомъ

¹⁰⁾ Ibid., 29, 32, 36, 57, 65.

¹¹⁾ Ibid., 42, письмо Хмелецкаго къ королю отъ 1 сент. 1628 г.

¹²⁾ Письмо Хмелецкаго къ Замойскому отъ 7 сент. 1628 г. въ приложеніи къ статьѣ Golebiowskiego „Stefan Chmielecki“ (Biblioteka Warszawska, 1853, 546—547).

¹³⁾ Przylęcki, 53—54, письмо Хмелецкаго къ королю отъ 3 окт. 1628 года.

¹⁴⁾ Golebiowski, „Stepan Chmielecki“ (Biblioteka Warszawska, 1853, t. II, str. 530).

¹⁵⁾ Przylęcki, 55—56, письмо Хмелецкаго къ королю отъ 30 окт. 1628 г. Изъ этого письма видно что нѣсколько тысячъ казаковъ, собравшихся изъ разныхъ украинскихъ городовъ, двинулись было къ Бѣлгороду. Хмелецкій уговорилъ ихъ возвратиться назадъ. Ср. Przylęcki, 61—62.

пограничїи польскаго государства произошло только нѣсколько небольшихъ кровавыхъ столкновеній ¹⁶⁾, но общее натянутое положеніе татарско-турецко-польскихъ отношеній, созданное дѣломъ Шагинъ-гирея, приняло, несомнѣнно, угрожающій характеръ. Главнымъ предметомъ желаній, и Высокой Порты, и новаго крымскаго хана, въ интересующій насъ моментъ была, конечно, выдача имъ польскимъ правительствомъ виновника всего замѣшательства Шагинъ-гирея. Объ этой выдачѣ просили Хмелецкаго Кеннанъ-папа и Гассанъ-паша, убѣждавшіе его въ томъ, что она является необходимымъ средствомъ къ сохраненію установившихся мирныхъ отношеній Польши къ Турціи и крымскимъ татарамъ. Хмелецкій имъ отвѣчалъ, что ему неизвѣстно мѣстопробываніе Шагинъ-гирея, то это дѣло новаго крымскаго хана — поймать Шагинъ-гирея въ степи и поступить съ нимъ по своему желанію ¹⁷⁾. О выдачѣ Шагинъ-гирея писалъ самому Сигизмунду III калга, или намѣстникъ новаго крымскаго хана и братъ его родной Девлетъ-гирей. Въ случаѣ отказа въ его выдачѣ, Девлетъ угрожалъ вторженіемъ крымскаго войска (лѣтомъ и зимой) въ польскія владѣнія. Въ случаѣ же выдачи его обѣщаль всегда неизмѣнно соблюдать дружественныя отношенія къ Польшѣ. Впрочемъ, въ письмѣ своемъ онъ упоминаеть, и о присылкѣ татарамъ обычныхъ поминковъ, и о воспрещеніи казакамъ выходить въ море и наносить вредъ татарскимъ владѣніямъ ¹⁸⁾. Наконецъ, о выдачѣ Шагинъ-гирея писалъ Сигизмунду III и турецкій султанъ Муратъ. Онъ просилъ короля доказать свою вѣрность мирному договору съ Турціей немедленной выдачей ему Шагинъ-гирея, находится ли онъ среди казаковъ, или въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ въ польскомъ государствѣ. Вмѣстѣ съ этимъ султанъ просилъ короля подвергнуть заслуженному наказанію запорожскихъ казаковъ, принявшихъ сторону Шагинъ-гирея. Въ случаѣ отказа въ выдачѣ Шагинъ-гирея, султанъ грозилъ двинуть въ польскіе предѣлы для розысковъ и поимки его турецкія войска, орду Кантемира и всѣхъ другихъ своихъ пограничныхъ лю-

¹⁶⁾ Хмелецкій ставилъ въ вину туркамъ четыре татарскихъ нападенія на Украину осенью и зимой 1628 года (Przylęcki. 59).

¹⁷⁾ Przylęcki, 56—67. Последнее отвѣтное письмо Хмелецкаго датировано 31 октября 1628 года.

¹⁸⁾ Жерела, VIII, 334—336. Привезшій письмо посолье крымскаго хана принять былъ королемъ 9 окт. 1628 г. Ему было вручено отвѣтное письмо короля (рук. Имп. Публ. Библ., Пол. F. IV. № 138, л. 13 об.

дей¹⁹⁾. Въ отвѣтномъ письмѣ къ султану (отъ 26 сент. 1628 г.) Сигизмундъ III писалъ, что во всѣ сорокъ лѣтъ своего царствованія онъ никогда не давалъ Высокой Портѣ повода обвинять его въ нарушеніи заключенныхъ съ нею договоровъ. Тѣмъ болѣе не станеть онъ (по его словамъ) нарушать ихъ изъ-за какого-то Шагинъ-гирея. Король, далѣе, объяснялъ, что въ дѣло Шагинъ-гирея въ Крымъ вступался лишь тотъ казацкій сбродъ, который два года тому назадъ успѣлъ спастись бѣгствомъ послѣ нанесеннаго казакамъ королевскимъ войскомъ пораженія. Большая часть этого сброда (писалъ король) тамъ, въ Крымъ и погибла; но если остатки его появятся въ его владѣніяхъ, они понесутъ заслуженное ими наказаніе. Казацкій этотъ сбродъ привыкъ жить войной и грабительствомъ, и ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что онъ послѣдовалъ за Шагинъ-гиреемъ, прельщенный его подарками и надеждой на богатую добычу. Относительно самого Шагинъ-гирея король писалъ, что онъ не знаетъ, гдѣ онъ теперь скрывается. Правда, къ королю являлись отъ него недавно послы съ просьбою о помощи и защитѣ, но онъ ихъ отвергнулъ, отказался сдѣлать то, о чемъ они его просили, выбранилъ ихъ и воспретилъ имъ привлекать на свою сторону казаковъ²⁰⁾.

Послѣ отвѣта, даннаго Сигизмундомъ въ концѣ августа посламъ Шагинъ-гирея и запорожскихъ казаковъ, дѣло второй казацкой экспедиціи на Крымскій полуостровъ въ интересахъ Шагинъ-гирея не сразу наладилось. Ему пришлось снарядить еще новое посольство, въ лицѣ своего племянника Уразлы-Оглы, къ Хмелецкому²¹⁾. Изъ краткой реляціи объ этомъ посольствѣ (которое сопровождалъ и казацкій посоль, узнаемъ, что Мегеметь-гирей и Шагинъ-гирей обѣщали вѣрноподданничество королю и просили разрѣшить отправиться вмѣстѣ съ ними въ Крымъ двѣнадцати тысячамъ казаковъ, и притомъ до наступленія еще зимы (такъ какъ турки въ это время не могутъ послать военной помощи въ Крымъ моремъ). Хмелецкій (какъ видно изъ той же реляціи) разрѣшилъ реэстровымъ казакамъ, съ ихъ старшимъ въ главѣ, отправиться съ Шагинъ-гиреемъ въ Крымъ, но сказалъ, что безъ воли короля онъ не

¹⁹⁾ Жерела, VIII, 336—338, Przyłęcki, 71—75.

²⁰⁾ Рук. Имп. Публ. Библ. Разнояз., F. IV. № 67, л. 158 об. — 160. Чаусъ турецкаго султана представлялся королю 12 сент. 1628 г. (рук. Имп. Публ. Библ., Пол. F. IV. № 138, л. 13).

²¹⁾ Przyłęcki, 45—47, 49, 55.

можетъ позволить имъ набирать казаковъ сверхъ установленнаго закономъ ихъ числа. Впрочемъ, онъ прибавилъ, что если для настоящей только надобности они соберутъ казаковъ и больше этого числа, онъ не поставитъ этого имъ въ вину и не будетъ доводить объ этомъ до свѣдѣнія короля²²⁾.

Такимъ образомъ польское правительство обнаружило полную готовность помочь Шагинъ-гирею въ его предпріятіи, но не короннымъ войскомъ, а запорожскимъ казацкимъ войскомъ. Надо думать, что Шагинъ-гирей не мало положилъ труда на пріобрѣтеніе казацкихъ симпатій къ своему дѣлу. Повидимому, сами казаки особой предупредительности по отношенію къ нему не проявили. Сборы казацкаго войска шли довольно медленно. Притомъ же значительная часть этого войска осенью 1628 года была въ отсутствіи. Она была въ морскомъ походѣ, во время котораго дала себя знать прибрежнымъ татарскимъ владѣніямъ. Только къ 1-му ноября она вернулась въ Запорожье. «Этимъ морскимъ разбойникамъ (писалъ Хмелецкій потомъ королю) не очень хотѣлось идти въ Крымъ». Посланцу Хмелецкаго Луцинскому не мало пришлось походить возлѣ казаковъ, прежде чѣмъ ему удалось добиться согласія ихъ на новый крымскій походъ²³⁾.

8 ноября запорожское войско выступило въ походъ²⁴⁾. Мегеметь и Шагинъ-гирей передъ выступленіемъ въ походъ произнесли среди казацкаго круга торжественную присягу въ томъ, что они, когда возвратятъ себѣ свое отечество, всегда будутъ оказывать польскому королю и государству вѣрное подданничество и преданность, по первому ихъ приказу выступать противъ всякаго ихъ врага, обычныхъ поминковъ отъ нихъ не будутъ требовать, освободятъ всѣхъ польскихъ плѣнниковъ въ Крыму и проч... Запорожское войско двинулось къ переправѣ черезъ Днѣпръ и два дня употребило на переправу. Тутъ среди казаковъ произошло раздѣленіе. Очень много казаковъ осталось на берегу: они не хотѣли идти изъ зависти къ славѣ своего старшаго, или гетмана, къ тому, что онъ не былъ старшимъ по королевскому назначенію (какъ объясняетъ реля-

²²⁾ Ibid., 47—48.

²³⁾ Ibid., 68—69 письмо отъ 27 ноября 1628 г.

²⁴⁾ Современная подробная реляція объ этомъ походѣ напечатана въ приложеніи къ статьѣ Golebiowskiego „Szahin—Giraj i Kozacy“ (Biblioteka Warszawska, 1852, t. II, 21—26).

ція). Когда гетманъ, устроивши совѣщаніе, спросилъ ихъ, почему они отказываются отъ участія въ походѣ, всѣ они закричали, что казакъ идетъ на войну только по своей охотѣ, а не по принужденію, что идти въ походъ зимой безъ одежды невозможно. Остальные выразили готовность идти въ походъ, чтобы не омрачить славы запорожскаго войска. Гетманъ благодарилъ этихъ послѣднихъ, поддерживалъ ихъ мужество, назначилъ изъ среды ихъ полковниковъ и двинулся въ дальнѣйшій походъ. 12 ноября онъ произвелъ своему войску смотръ. У него оказалось двѣ тысячи конницы, двѣ тысячи пѣхоты и триста пятьдесятъ татаръ ²⁵).

Шагинъ-гирей всячески торопилъ казаковъ, такъ какъ при такомъ небольшомъ количественномъ составѣ отряда только быстрота и натискъ могли обѣщать ему успѣхъ. Но казаки оказались не особенно податливыми на его просьбы. Онъ просилъ ихъ идти днемъ и ночью, а они устроили себѣ ночевку (съ 14 на 15 ноября). 15 ноября ночью, не доходя уже одну милю отъ Перекопа, передовой разъѣздъ запорожскаго войска наткнулся на громадный табунъ Ногайской Каптемировой орды. Шагинъ-гирей убѣждалъ казаковъ оставить пока этотъ табунъ въ покоѣ и двинуться прямо къ Бахчисараю. Но казаки рѣшили немедленно завладѣть табуномъ. Это предпріятіе имъ удалось. Они захватили пять тысячъ лошадей. Гетманъ и Шигинъ-гирей погнались за татарами, которые спѣшили угнать остальныхъ лошадей, и еще причинили имъ большой уронъ.

Между тѣмъ татарскій ханъ Джинибекъ-гирей и Девлетъ-гирей, успѣвшіе уже узнать о казацкомъ походѣ, прибыли въ тотъ же день въ Перекопъ и пушечными выстрѣлами стали собирать вокругъ себя татаръ. Казаки подошли къ самому Перекопу и остановились на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ него. Тутъ они устроили совѣщаніе и на немъ рѣшили возвратиться въ Запорожье, чтобы, когда непріятель усилится числомъ, не утратить уже полученной добычи и не потерпѣть большого ущерба въ своемъ собственномъ составѣ. Шагинъ-гирей, явившись въ казацкій кругъ, усиленно упрашивалъ казаковъ измѣнить свое рѣшеніе. Просилъ подарить ему еще

²⁵) По другимъ свѣдѣніямъ, казаковъ было шесть тысячъ (Przylęcki, 69; Жерела, VIII, 339). Казакамъ обѣщано было во владѣніе Нагайское княство. Каждому казаку обѣщано было по 10 золотыхъ и по козуху (Жерела, VIII, 340).

хоть одну почъ. Сторону Шагинъ-гирея принялъ самъ казацкій гетманъ. Шагинъ гирей взялъ изъ рукъ хорунжаго знамя и самъ повелъ войско на татаръ, занимавшихъ деревню Косараны возлѣ Перекопа. Татары сами подожгли Косараны, чтобъ оставить казаковъ безъ воды и продовольствія. Шагинъ-гирей убѣждалъ казаковъ, въ виду этого, идти дальше за Перекопъ. Но казаки на это не согласились, и отъ Перекопа двинулись въ обратный путь въ Запорожье. Татары четыре мили отъ Перекопа преслѣдовали отступавшихъ казаковъ. Тутъ на подмогу этимъ татарамъ явился Кантемиръ съ десятью тысячъ ногайскихъ татаръ, и долго еще преслѣдовалъ казаковъ, но не причинилъ почти никакого ущерба: казаки отступали закрытымъ таборомъ.

Крымскій походъ запорожскихъ казаковъ изъ-за Шагинъ-гирея не достигнулъ своей цѣли. Этотъ походъ, какъ видно, не особенно былъ популяренъ среди казаковъ. Въмѣсто двѣнадцати тысячъ, о которыхъ просилъ въ свое время Шагинъ-гирей, въ немъ участвовало только четыре тысячи казаковъ. Уже одна малочисленность казачьяго отряда дѣлала все предпріятіе Шагинъ-гирея сомнительнымъ. Этою малочисленностью объясняется, и постоянное желаніе казаковъ во время похода возвратиться назадъ, и окончательная безуспѣшность всего предпріятія. Только тогдашній запорожскій гетманъ (Грицько Черный), больше другихъ казаковъ, конечно, посвященный въ тайны польской правительственной политики, энергично дѣйствовалъ въ пользу Шагинъ-гирея... Самъ Шагинъ-гирей возвратился съ казаками въ Запорожье и остался у нихъ на всю зиму, тогда какъ Мегеметь-гирей ушелъ въ Большую Ногайскую орду, въ которой обнаружилось тогда стремленіе встать на его защиту. Шагинъ-гирей не утратилъ своихъ надеждъ на дальнѣйшую казацкую помощь. Это видно изъ письма его къ королю (отъ 29 ноября 1628 г.), въ которомъ онъ пишетъ, что рассчитываетъ будущей весной съ помощью казаковъ достигнуть своей цѣли ²⁶⁾.

Королевская инструкція, разосланная на предсеймовые сеймики, составлена была въ то время, когда еще неизвѣстенъ былъ въ Варшавѣ исходъ осенняго крымскаго похода запорожскихъ казаковъ (она датирована 20 ноября). Въ ней поэтому и не было правительственной оцѣнки этого послѣдняго акта Шагинъ-гиреевой драмы. Общее же положеніе татарско-турецко-польскихъ отношеній въ ней обрисовано было, конечно,

²⁶⁾ Przyłęcki, 61—71.

въ довольно неопредѣленныхъ чертахъ. Нужно (говорилось въ ней) внимательно слѣдить за угрожающими Украинѣ отъ турокъ и татаръ опасностями. Послѣ лѣтняго похода казаковъ въ Крымъ на помощь Шагинъ-гирею, изгнанія ихъ оттуда турками, низложенія съ престола хана и его брата Шагинъ-гирея и прибытія послѣдняго къ казакамъ въ Запорожье, и турецкій султанъ, и новый крымскій ханъ просили короля о выдачѣ Шагинъ-гирея, подѣ угрозой разрушенія мирнаго договора. Но если бы и выдать Шагинъ-гирея (если бы это было во власти короля), ничего добраго отъ этого нельзя было бы ожидать. Король получалъ изъ Константинополя вѣсти и предостереженія, что новому крымскому хану, да и другимъ сосѣдямъ Польши, приказано нападать на ея владѣнія. И это сдѣлано отчасти по интригамъ Густава-Адольфа, отчасти потому, что турки не хотятъ упустить благоприятнаго къ нападенію на Польшу случая, чтобы отомстить за украинское своеволие подѣ Тигиніей и за казацкое своеволие на морѣ и въ Крыму. Они давно бы привели въ исполненіе свой злой умыселъ противъ Польши, если бы не оглядывались на Шагинъ-гирея... Король просилъ шляхту изыскать средства къ отраженію опасности не только со стороны турокъ, но и со стороны другихъ сосѣдей и самихъ казаковъ, которые становятся высококомѣрными и самый союзъ которыхъ съ Шагинъ-гиреемъ представляется подозрительнымъ и опаснымъ ²⁷⁾).

Еще болѣе, чѣмъ турецко-татарскія отношенія осенью 1628 года дѣлали необходимымъ скорый созывъ сейма шведскія отношенія Польши. На ассигнованныя сеймомъ 1628 года деньги нечего было и думать объ увеличеніи войска на прусскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Притомъ же и самыя ассигнованныя сеймомъ деньги неаккуратно поступали въ распоряженіе войска, что вызывало и поддерживало постоянное его неудовольствіе. Тѣ или другіе отряды войска постоянно грозили уйти съ театра войны. При такомъ положеніи дѣла гетманъ Конецпольскій могъ вести только оборонительную войну. Въ сентябрѣ 1629 года Густавъ Адольфъ взялъ Новое, а въ началѣ октября Бродницу. Особенно чувствительна была для польскаго правительства потеря Бродницы. Правда, въ концѣ ноябрю Конецпольскому удалось взять обратно Новое, а также посчастливилось разбить и взять въ плѣнъ Бандиса, перешедшаго съ императорской на шведскую службу полков-

²⁷⁾ Жерела, VIII, 338—339.

ника; но Бродница осталась въ рукахъ Густава-Адольфа, не смотря на всѣ усилія Конецпольскаго возвратить и ее. Возобновившіеся въ ноябрѣ мирные польско-шведскіе переговоры тянулись вяло. На успѣхъ ихъ мало было надежды. Между тѣмъ съ наступленіемъ зимы, не получившее обѣщаннаго жалованія войско еще болѣе прежняго стало грозить тѣмъ, что бросить службу. Король (въ письмѣ отъ 15 ноября 1628 года) поручилъ Конецпольскому убѣждать войско терпѣливо ждать уплаты жалованія ради блага и славы отечества. Король выражалъ увѣренность, что назначенный имъ на 9 января 1629 года сеймъ изыщетъ средства къ уплатѣ всего жалованья, которое ему слѣдуетъ за службу. Конецпольскій въ началѣ октября лично повидался въ Торунѣ съ назначенными для расплаты съ войскомъ комиссарами, но узналъ отъ нихъ, что имѣющимся у нихъ деньгами можно удовлетворить войско только по 1 сентября 1628 года. Благодаря увѣщаніямъ Конецпольскаго, войско согласилось (какъ видно изъ письма Конецпольскаго отъ 15 окт. 1628 г.) ждать уплаты²⁸⁾.

Не смотря на тревожное положеніе дѣлъ въ Пруссіи, шляхта отнеслась довольно равнодушно къ сейму. Земскихъ пословъ къ его открытію собралось такъ мало, что самое открытіе это въ назначенный день (9 января) не состоялось. Только 11 января земскіе послы представились королю, и только 11 января прочитана была королевская пропозиція сейму. Сенаторовъ въ Варшавѣ было очень мало: подавали свои мнѣнія по поводу пропозиціи только четверо ихъ. Земскихъ пословъ было всего лишь тридцать человѣкъ²⁹⁾, которые и выбрали маршалкомъ изъ своей среды познанскаго подкоморія Матвѣя Манецкаго. Въ привѣтственной королю рѣчи маршалокъ указалъ на то, что государство, съ двухъ сторонъ стѣсненное врагами, не можетъ до сихъ поръ найти для себя окончательной обороны въ трудной и тяжелой войнѣ: часто созываемые сеймы, изъ-за частныхъ интересовъ, не спо-

²⁸⁾ Przyłuski, Pamiętniki o Koniecpolskich, 104—155. Бродницу сдалъ шведамъ капитанъ Монтани, французъ родомъ, который за то былъ казненъ... Въ самой Варшавѣ, какъ видно изъ одного современнаго дневника, была большая тревога въ виду возможности нападенія на нее непріятеля. Окрестная шляхта стала собираться въ Варшаву. (Рук. Имп. Публ. Библ., Пол. Q. IV. № 76, л. 20 об., подъ 4 и 5 окт. 1628 г.)

²⁹⁾ Рук. Имп. Публ. Библ., Пол. F. IV. № 138, л. 14; Пол. Q. IV. № 76, л. 21 об.; собр. автогр., № 221, л. 47, письмо Ѳомы Бѣлецкаго къ Я. С. Сапѣгъ отъ 11 янв. 1629 г. (то же: Пол. F. IV. № 214, копія).

собны оказываются найтти надлежащія средства къ отраженію внѣшнихъ и внутреннихъ опасностей. Онъ выражалъ надежду, что настоящій сеймъ отыщеть наконецъ эти средства. Въ королевскомъ отвѣтѣ посламъ выражалось пожеланіе скорѣйшаго избавленія отечества отъ бѣдъ и возвращенія его къ прежней славѣ. Въ новомъ королевскомъ обращеніи къ посламъ (послѣ рѣчей сенаторовъ) говорилось о томъ, что въ переживаемый Польшей моментъ идетъ дѣло о цѣлости отчизны, растерзанной непріятелемъ, о святой вѣрѣ, истребленной имъ въ занятыхъ мѣстахъ, о растоптанной имъ славѣ польскаго народа: народъ польскій, — нѣкогда распространявшій свою славу отъ моря до моря, отовсюду добывавшій себѣ богатства и драгоценности, не только поражавшій всѣхъ своихъ враговъ, но и помогавшій другимъ укрощать ихъ враговъ, — корчится теперь передъ однимъ только врагомъ... Король выражалъ надежду, что польскій народъ воспрянетъ духомъ и возвратитъ себѣ былую славу ³⁰). Въ ближайшія послѣ открытія сейма недѣли число земскихъ пословъ не многимъ увеличилось. Тѣмъ не менѣе «не очень спокойнымъ, соображали нѣкоторые, будетъ сеймъ, такъ какъ на всѣхъ сеймикахъ, за исключеніемъ сендомирскаго, были вопли относительно предоставленія великой булавы (т. е. назначенія великаго короннаго гетмана), относительно отправленія королевича Владислава въ Пруссію» ³¹).

Полторы недѣли спустя послѣ открытія, «сеймъ былъ еще не многолюдный, совѣщанія еще почти не начинались, потому что г.г. пословъ было маловато, а краковскаго посла не было ни одного. Посольская изба и сенатъ (такъ, по крайней мѣрѣ, показалось современному наблюдателю ихъ тогдашней дѣятельности) склонялись къ тому, чтобы, не придумывая новаго обложенія (kontribusię), долги покрыть обычными налогами (robotami), и чтобы воеводства поочередно шли въ Пруссію на войну, чтобы каждое изъ нихъ по два мѣсяца оставалось въ лагерѣ» ³²). Еще полторы недѣли спустя, тотъ же современный наблюдатель сеймовой работы писалъ: «Сеймъ теперь уже многолюднѣе. Болѣе важныхъ сенаторовъ прибыло въ нѣ-

³⁰) Рѣчь маршалка Манецкаго и отвѣтныя королевскія рѣчи находятся въ рук. сборникъ Вилямовской (подъ Варшавой) библіотеки, вслѣдъ за дневникомъ сейма 1620 года.

³¹) Цит. въ 29 примѣчаніи письма.

³²) Собр. автор. Импер. Публ. Библ., № 52, письмо Ф. Бѣлецкаго къ Я. С. Сапѣгѣ отъ 20 янв. 1629 г.

сколько послѣднихъ дней около 12, всѣхъ пословъ уже около 80. Еще однако въ посольской избѣ не постановляютъ рѣшеній по пунктамъ, подлежащимъ обсужденію. Но теперь съ прїѣздомъ краковскаго пана (т. е. краковскаго каштеляна кн. Ю. Збаражскаго), вмѣстѣ съ которымъ прибыли важнѣйшіе малопольскіе послы, начнется постановка рѣшеній»³³). Въ тѣхъ новостяхъ изъ Пруссіи, которыми авторъ цитируемыхъ нами писемъ дѣлился съ своимъ патрономъ, не заключалось, дѣйствительно, ничего такого, что бы могло возбудить особенную тревогу среди земскихъ пословъ. Въ первомъ изъ этихъ писемъ онъ сообщалъ о томъ, что есть слухи о заключеніи королевскими комиссарами перемирія со шведами до 30 іюня, а также о томъ, что Оксенширна хотѣлъ доставить въ Бродницу продовольствіе, но что поляки недалеко отъ Бродницы разгромили шведовъ: «не думаю, чтобы они могли дольше держаться въ Бродницѣ (писалъ онъ), хотя Оксенширна и похваляется, что у нихъ достаточно продовольствія»... Во второмъ письмѣ (отъ 31 янв.) онъ сообщалъ слѣд. новости: «Въ Пруссіи ничего важнаго не произошло, за исключеніемъ того, что шведы были надъ Эльсбергомъ и сожгли предмѣстья. Кажется, они послали за большимъ подкрѣпленіемъ, желая взять его артиллеріей, но тамъ имѣется хорошая защита въ лицѣ кавалера Юдицкаго и двухъ другихъ капитановъ, хотя у нихъ пороху и провіанту мало. Густавъ, по полученнымъ королемъ извѣстіямъ, думаетъ провести зиму въ Кальмарѣ. Навѣрное, тамъ будетъ у него съѣздъ, на которомъ будутъ присутствовать король Датскій, голландцы и ганзейцы для заключенія еретической лиги, на которую онъ, повидимому, не желаетъ согласиться иначе, какъ на опредѣленныхъ условіяхъ, между которыми и то находится, чтобы Гамбургъ вошелъ въ эту лигу. Фаренсбахъ Густавъ, кажется, послалъ въ Константинополь, давши ему для подарковъ тридцать тысячъ талеровъ, зачѣмъ послалъ, если это вѣрно, легко догадаться... Варшавскій староста посланъ на дняхъ къ Бранденбургскому курфюрсту убѣждать его, чтобы онъ, ни явно, ни тайно не присоединялся къ лигѣ»... *).

П. Жуковичъ.

³³) Тамъ же, 57, письмо того же къ тому же отъ 31 янв. 1629 г.

^{*)} Окончаніе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки